

НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ФРАНЦУЗА*).

НѢмецкая педагогика справедливо считается самой разработанной, какъ въ теоріи, такъ и въ практическомъ примѣненіи. НѢмецкія школы часто являются образцомъ для подражанія, въ особенности для насъ русскихъ. Наше школьное дѣло сравнительно весьма молодое. Мы еще не создали національной педагогіи, и естественно въ дѣлѣ народнаго образованія вдохновляемся тѣмъ, что создано націями болѣе старой культуры. Въ послѣднее время въ нашей педагогической литературѣ замѣтно вліяніе педагогіи американской; не миновала насъ и англійская педагогія — теоріи Локка и особенно Герберта Спенсера у насъ пользуются довольно широкимъ распространеніемъ. Французскій геній далъ намъ многое въ лицѣ Рабле, Монтеня и особенно Ж. Ж. Руссо; но болѣе всего мы заимствовали

---

*) Докладъ, прочитанный въ Вышневолоцкомъ Педагогическомъ Кружкѣ.

у нѣмцевъ. Творцы нѣмецкой педагогіи, гуманисты, Амосъ Коменскій, Песталоцци, Гербарть и многіе другіе, до самоновѣйшихъ включительно, сдѣлались властителями нашихъ думъ.

Мы такъ увѣровали въ нѣмецкую культуру вообще и въ педагогію въ частности, что воспринимаемъ все, созданное германскимъ гениемъ, не подвергая сколько-нибудь серьезной критикѣ. Великая европейская война, и приемы ея веденія, примѣняемые нѣмцами, всѣхъ поразили, какъ что-то совершенно неожиданное, на первый разъ показавшееся даже невѣроятнымъ, у всѣхъ вырвался единоклужный крикъ негодованія, вызванный варварствомъ нѣмцевъ, которыхъ, нужно замѣтить, еще А. И. Герценъ называлъ учеными варварами.

И невольно является желаніе разобраться въ томъ, что представляетъ собою нѣмецкая культурность. Въ странахъ съ высокою культурой духъ школы служить отраженіемъ духа націи. Въ Германіи эта истина особенно очевидна. Стало поговоркой изреченіе, что при Садовой побѣдилъ прусскій учитель. Нѣмцы въ эту истину вѣрятъ глубоко, и несомнѣнно, что въ современной войнѣ и ея приѣмахъ должна сказываться прежде всего работа нѣмецкаго учителя. Нѣмецкая педагогія и школа создавалась и развивалась одновременно и параллельно съ развитіемъ нѣмецкой философіи и общественнаго мнѣнія, и весьма полно отражаетъ нѣмецкую традицію, которой живетъ и вдохновляется нѣмецкая нація.

Бросить бѣглый взглядъ на тотъ духъ, которымъ живетъ нѣмецкая школа и которымъ проникнуты основные принципы общественнаго воспитанія въ Германіи, при свѣтѣ развертывающихся событій, весьма своевременно и поучительно. Довольно полную картину въ этомъ отношеніи даетъ Да-Коста въ небольшомъ изслѣдованіи, появившемся въ печати въ 1903 году подъ заглавіемъ «Націонализмъ въ германской средней школѣ».

Авторъ произвелъ непосредственное изслѣдованіе въ Пруссіи, Саксоніи и Баваріи, посѣтилъ 14 гимназій, присутствовалъ на 70 урокахъ и изучалъ педагогическую литературу въ большихъ библіотекахъ Берлина и Лейпцига. Документальныя данныя имъ взяты изъ первоисточниковъ и приводятся довольно тщательно, что даетъ возможность судить о безпристрастїи выводовъ автора, горячаго, по его собственному признанію, поклонника нѣмецкаго генія и нѣмецкой педагогіи.

Яркой особенностью нѣмецкой педагогіи, теоретической и еще больше практической, по словамъ Да-Коста, является чувство восторженнаго патріотизма, поглотившее всѣ другіе способы нравственнаго

воздѣйствія. Передъ этимъ чувствомъ блѣднѣютъ и религія и человѣческія права, и уваженіе къ истинѣ, и любовь къ наукѣ, и гуманность, чѣмъ нѣмецкая школа рѣзко отличается отъ школы французской. Явленіе это авторъ объясняетъ историческими причинами. Германія, благодаря своей раздробленности, долгое время не могла занять достаточно почетнаго мѣста среди европейскихъ народовъ. Тридцатилѣтняя война нанесла Германіи большой ударъ и значительно задержала ея культурный ростъ. Въ это же время Франція достигла наибольшаго могущества. Въ XVII и XVIII вѣкахъ французская культура дѣлаетъ всемірныя завоеванія и всюду господствуетъ. Даже такія лица, какъ Фридрихъ Великій, получившій воспитаніе подъ руководствомъ француза на французской просвѣтительной литературѣ и энциклопедистахъ, свободнѣе изъясняется по-французски, чѣмъ по-нѣмецки, и презрительно относится къ нѣмецкой литературѣ. Наполеоновскія войны 1805—1807 гг. привели Германію на послѣднюю степень униженія. Особенно унижена была Пруссія послѣ разгрома (1806 г.) при Іенѣ. Этотъ разгромъ далъ рѣзкій толчокъ къ пробужденію патріотизма и усиленной патріотической дѣятельности, въ особенности въ Пруссіи, гдѣ тотчасъ же начался рядъ реформъ, и между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занимали реформы по преобразованію арміи. Послѣдующія войны 1813 года за освобожденіе Германіи оправдали необходимость созданія сильной арміи, борьбы съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ это же время достигается значительнаго расцвѣта и германская литература періода «бури и натиска». Это и положило начало національной германской традиціи, основанной на союзѣ, какъ выражается Да-Коста, «вѣры и силы». На основѣ этой традиціи вырабатывалось общественное мнѣніе Германіи въ продолженіе всего XIX столѣтія, сильно отразившееся и на педагогической теоріи и особенно на педагогической практикѣ. Давъ краткій очеркъ нѣмецкой педагогіи XVII и XVIII столѣтій, Да-Коста отмѣчаетъ, какъ отличительную особенность, въ трудахъ Коменскаго, Франке и др. высокій идеализмъ, глубокую религіозность, большую универсальность и полное отсутствіе узко-національныхъ тенденцій. Но уже въ трудахъ Базедова нашъ авторъ отмѣчаетъ зародыши этихъ послѣднихъ: основной цѣлью воспитанія ставится польза родины. Въ трудахъ позднѣйшихъ педагоговъ патріотическая тенденція выступаетъ съ большой ясностью, а вмѣстѣ съ этимъ на первый планъ выдвигается и культура воли; знанію же отводится положеніе служебное. Новое направленіе ярко выражено въ трудахъ Песталоцци и особенно Фихте (старшаго). Песталоцци, какъ извѣстно, воспитанію ставитъ общественныя задачи.

Онъ и педагогомъ сдѣлался не потому, что особенно любилъ этотъ родъ дѣятельности, а потому, что надѣялся этимъ путемъ облегчить горе и страданія своего народа. И педагогическіе труды Песталоцци, и его учительская дѣятельность носятъ яркіе слѣды высокаго идеализма. Да-Коста характеризуетъ Песталоцци, какъ величайшаго, послѣ Лютера и Канта, учителя нѣмецкаго народа, какъ яркаго представителя цѣлой расы и создателя національнаго воспитанія. Онъ пламенно вѣрилъ въ глубину и всемогущую силу нѣмецкаго духа. Воспитательныя теоріи Песталоцци могутъ быть резюмированы въ идеѣ организаціи школы на началахъ христіанской семьи. Матери въ дѣлѣ воспитанія онъ отводитъ первенствующее мѣсто — матери превращаютъ дѣтскія въ святилище, онъ въ своей работѣ Божье солнце. Но настоящая мать встрѣчается только среди нѣмецкаго народа. Въ небольшомъ сочиненіи Песталоцци, которое было настольной книгой королевы Луизы, встрѣчаются такія замѣчательныя строки: «Дѣти Франціи могутъ стать первыми людьми въ Европѣ, но для этого необходимо, чтобы они были сформированы руками германскихъ женщинъ». Духъ Песталоцци получаетъ болѣе яркое и полное выраженіе въ трудахъ его сподвижника Фихте, особенно въ его знаменитыхъ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу», посвященныхъ вопросу о національномъ воспитаніи. Въ нихъ Фихте призываетъ народное самосознаніе къ освобожденію отъ подражательности. Нѣмецкой душѣ приписываются высшія исключительныя качества. Только она одна, по своей природѣ, обладаетъ способностью воспріятія богооткровенныхъ истинъ религіи; она одна можетъ познать это великое *Gemüth* (непереводимое слово), обозначающее одновременно и чувство, и честность, и прямоту, и добродушіе, только ей одной свойственна непосредственность и способность проникать до высшихъ источниковъ природы и жизни. Чтобы обладать истиной, германскому генію не нужны никакія позаимствованія, никакія подражанія, ему нужно только чистосердечно поразмыслить самому съ собой. Душа же иностранца, въ противоположность нѣмецкой, представляетъ собой смѣсь своеволія, каприза и лукавства. Отсюда дѣлается выводъ, что нѣмецкій геній, какъ единый обладатель истины, долженъ царить на землѣ. Ему принадлежитъ честь освятить новыя времена и занять первое мѣсто въ умственномъ и нравственномъ воспитаніи другихъ націй. Это воспитаніе должно носить строгій характеръ авторитета. Строить воспитаніе на признаніи свободной воли значитъ только покровительствовать распущенности и своеволію. Цѣль воспитанія — образованіе воли для служенія Богу и преданности родинѣ. Самодѣятельность учащихся должна быть на первомъ

планѣ. Надо воспитывать и физическую силу, надо учить и ремеслу. Ручной трудъ имѣеть громадное воспитательное значеніе. Обстановка училищъ должна быть плодомъ труда учащихся. Они должны сами выучиться готовить себѣ пищу, одежду и т. п. Дѣти обоого пола, должны воспитываться совмѣстно. Въ школахъ должна быть общность имущества. Пусть всякій сознаеть, что онъ принадлежитъ общинѣ и долженъ раздѣлять съ нею удобства и неудобства жизни. Умственное воспитаніе должно быть проникнуто духомъ единства, должно быть заключено въ тѣсный кругъ національныхъ традицій, чтобы создать опредѣленное устойчивое настроеніе духа, неподдающееся измѣненіямъ. Только такое воспитаніе и есть воспитаніе, все прочее легкомысленная игра. Такое воспитаніе, твердо опирающееся на природныя качества нѣмецкаго генія, образуетъ массы, воодушевленные глубокимъ уваженіемъ къ дисциплинѣ, убѣжденные въ своемъ нравственномъ превосходствѣ, въ своей силѣ и необходимости вести упорную борьбу за существованіе и торжество той истины, представителями которой на землѣ онѣ являются, совершенно отвергая свойственный католическому христіанству духъ аскетизма и покорности Провидѣнію. Въ краткомъ резюме Да-Коста такъ формулируетъ нравственный цементъ, при помощи котораго нѣмецкіе педагоги съ поразительнымъ единодушіемъ собирають воедино силы націи: единство и догматизмъ внушаемыхъ мнѣній, сознаніе національнаго превосходства и божественной миссіи всемірнаго владычества и воспитанія, культъ силы, какъ орудія истины и блага, и религіозность, вѣрнѣе, церковность въ строго патріотическомъ духѣ. Эти основоположенія составляютъ душу всей послѣдующей нѣмецкой педагогіи. «Къ этой философіи присоединяется еще вліяніе Гегеля, который, оправдывая въ теоріи силу, придавъ нравственное обаяніе завѣдомо алчнымъ вождельніямъ, порожденнымъ въ германскомъ народѣ побѣдой, говоритъ Да-Коста.

Вотъ тѣ принципы, которые вдохновляютъ современную нѣмецкую школу. Практическіе выводы изъ этой теоріи очевидны: во что бы то ни стало слѣдуетъ образовывать людей, убѣжденныхъ въ своемъ духовномъ превосходствѣ, одушевляемыхъ абсолютной вѣрой въ высокое предназначеніе ихъ отечества и готовыхъ мужественно добиваться его осуществленія всюду, гдѣ представляется къ этому случай. Всѣ усилія учителя направляются къ одной цѣли: образовать общее однообразное настроеніе, съ характеромъ патріотическимъ и религіозно-нравственнымъ, достигая этого постояннымъ воздѣйствіемъ въ большей степени на волю, чѣмъ на умъ. Результатомъ такого воздѣйствія должно явиться поколѣніе, которое понимаетъ и любитъ

на свѣтъ лишь одно — свою родину и можетъ и желаетъ дѣйствовать только для нея. Такъ воспитанный нѣмецъ дѣйствуетъ съ полной свободой, онъ носить оцѣнку цѣнностей только въ самомъ себѣ и ждетъ приказа лишь отъ собственной совѣсти. При такихъ принципахъ не можетъ быть вопроса о томъ, чтобы сообщать ученикамъ элементы общей міровой культуры, ни о томъ, чтобы развивать въ нихъ любовь къ знанію ради самого знанія. Элементы міровой культуры считаются слишкомъ неопредѣленными, а развитой умъ, снабженный знаніями, способенъ въ одинаковой мѣрѣ и на хорошее и на худое; въ основѣ воспитанія долженъ лежать нравственный принципъ. Лишь національная жизнь даетъ здоровую и легко усвоиваемую пищу. — Все дѣло въ анализѣ круга нѣмецкой мысли: нравственныя способности — принадлежность германскаго генія. — Гербарту и его послѣдователямъ Да-Коста, повидимому, не придаетъ серьезнаго значенія въ дѣлѣ выработки національно-педагогической идеалогіи, и въ трудахъ этой школы видитъ только одну техническую сторону, называя всѣхъ представителей ея педагогическими инструкторами Германіи. Наторпа и позднѣйшихъ педагоговъ онъ обходитъ молчаніемъ и останавливается на педагогическихъ реформахъ императора Вильгельма, въ которыхъ видитъ дальнѣйшее развитіе національной педагогической традиціи. Созванная Императоромъ Вильгельмомъ въ 1890 году конференція по педагогическимъ вопросамъ надѣлала много шума, а результатомъ ея была довольно значительная переработка программъ обученія въ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ. Самъ Императоръ рѣшительно высказался въ пользу реального образованія; при этомъ педагогическія соображенія о томъ, на чемъ лучше культивируется духъ и человѣческая личность, на наукахъ ли реальныхъ, или на гуманитарныхъ, играли роль второстепенную. Цѣлью предполагаемой реформы ставилось сосредоточеніе образованія на національной традиціи и на элементахъ, необходимыхъ массамъ въ предстоящей экономической борьбѣ. Въ соотвѣтствіи этимъ цѣлямъ въ гимназіяхъ было уменьшено число часовъ, посвященныхъ латинскому языку, въ пользу нѣмецкаго языка, отечественной исторіи и гимнастики — трехъ центральныхъ предметовъ реформированнаго обученія. Въ реальныхъ училищахъ въ центрѣ обученія поставлено практическое изученіе новыхъ языковъ, точныя науки и отечественная исторія. Эти реформы только у немногихъ видныхъ представителей науки вызвали ироническія замѣчанія на счетъ воспитательной цѣнности гимнастики; со стороны же большинства они встрѣтили восторженный пріемъ. Въ нихъ всѣ увидѣли призывъ къ новой борьбѣ противъ отвлеченнаго идеализма во имя реальныхъ потребностей и для

упроченія силы страны. Все это далеко въ сторону уводило нѣмецкую школу отъ широкихъ гуманитарныхъ идей отцовъ нѣмецкой педагогiи, но зато еще болѣе уплотнило тотъ цементъ, которымъ связываются силы нѣмецкой націи для предстоящей жизненной борьбы.

Переходя къ практической постановкѣ педагогическаго дѣла въ Германіи, Да-Коста отмѣчаетъ заботу педагоговъ-практиковъ о воспитаніи массъ и удивительную приспособленность школьнаго дѣла въ этомъ именно направленіи.

Все даже въ мельчайшихъ подробностяхъ матеріальной организациі обнаруживаетъ здѣсь замѣчательный духъ равенства, постоянную заботу образовать не единичныя личности, но цѣлыя группы, обученныя и солидно подготовленныя къ жизни. Нѣмецкая школа является образцомъ демократической организациі въ лучшемъ смыслѣ слова. Тамъ царитъ удивительный духъ единенія и солидарности. Нѣмецкая школа вполнѣ осуществляетъ свою идеальную цѣль — быть переходомъ отъ тѣсной формы коллективности — семьи къ болѣе широкой формѣ — народу и государству. Французы, по словамъ Да-Коста, сравнительно съ нѣмцами, въ школьномъ дѣлѣ являются истинными аристократами. Они создаютъ избранниковъ, *élites*, въ ущербъ массамъ. Въ ихъ школьныхъ установленіяхъ многое сдѣлано какъ бы нарочно, чтобы подчеркнуть неравное распредѣленіе умственныхъ способностей и с здѣть градацію ума; французская школа создаетъ, на ряду съ экономическимъ еще конфликты интеллектуальные и нравственные. Нѣмецкая же школа наоборотъ стремится по возможности осуществить единство и солидарность, чтобы поднять умственныя силы всего класса въ среднемъ уровнѣ до возможной высоты. И въ нѣмецкихъ школахъ есть ученики высокоодаренные и малоспособные, но разница между ними не такъ велика по сравненію со школой французской; лучшіе ученики нѣмецкихъ школъ стоятъ ниже по сравненію съ учениками той же катерогiи школъ французскихъ, но общій уровень нѣмецкаго класса несомнѣнно выше уровня класса французскаго. Въ нѣмецкихъ школахъ нѣтъ ни конкурсныхъ экзаменовъ, ни сочиненій на премію, ни золотыхъ досокъ, ни публичной раздачи наградъ. Нѣмецкіе учителя не хотятъ избранниковъ; стремленіе создать отборъ въ гимназіяхъ они считаютъ и преступнымъ съ точки зрѣнія нравственности и гибельнымъ для государства, которое для своей внѣшней борьбы нуждается въ содѣйствіи просвѣщенныхъ массъ; избранники же найдутъ свою дорогу по выходѣ изъ гимназіи; въ университетѣ они будутъ съ успѣхомъ развиваться и быстро пополнять пробѣлы, образовавшійся въ гимназіи въ силу необходимости

для нихъ итти наравнѣ съ другими. Вся работа класса до мелочей подчинена этому принципу. При изученіи грамматики, литературы и исторіи дается предпочтеніе устнымъ упражненіямъ передъ письменными, притомъ упражненіямъ средней трудности, требующимъ отъ учащихся болѣе находчивости, рѣшительности и умѣнья примѣнять къ дѣлу уже пріобрѣтенный матеріаль, т.-е. качество доступныхъ каждому при условіи труда и усилія, тогда какъ письменныя работы лучше развиваютъ личную оригинальность и размышленіе. Во всѣхъ классахъ имѣется предписанный начальствомъ учебникъ. Въ устномъ преподаваніи учебникъ разъясняется учителемъ, при чемъ иногда даются дополнительные подробности. По исторіи, на примѣръ, учебники представляютъ собой хронологическія таблицы, очень краткія и очень ясныя, прекрасно сообщающія ученику рядъ фактовъ. Такъ въ одной Берлинской реальной гимназій ученики имѣютъ на рукахъ хронологическій перечень въ 416 страницъ, отъ 3000 г. до Р. Хр. до 1888 г. нашей эры, и въ то же время ученики старшаго класса пользуются учебникомъ новой исторіи только въ 177 страницъ. При преподаваніи литературы учебникъ играетъ еще большую роль. Даты, историческія событія запоминаются съ возможной точностью; но то, что французы называютъ изученіемъ идей и оцѣнкой литературныхъ памятниковъ, остается въ полномъ пренебреженіи. Отноительно Лессинга, Гете, Шиллера учащіяся заучиваютъ очень точныя стереотипныя формулы и произносятъ ихъ съ механической точностью, въ которой чувствуется полное отсутствіе личнаго сужденія и размышленія. При преподаваніи новыхъ языковъ стоятъ исключительно на точкѣ зрѣнія практической. Вся забота научить учениковъ пользоваться иностраннымъ языкомъ для практическихъ цѣлей, и дѣло сводится къ тому, чтобы показать, какъ составляются употребительныя фразы разговорнаго языка, заучить достаточное количество словъ и вдолбить сносное произношеніе; знакомство же съ литературой языка и особенностями національнаго генія — въ полномъ пренебреженіи. Та же утилитарная точка зрѣнія распространяется и на преподаваніе древнихъ языковъ, исторіи, литературы вообще и даже религіи. Повсюду добиваются фактической правильности, точности, усвоенія элементовъ безъ всякой критики.

Такъ обрѣзая и губя всѣ корни, которыми питается духовная сила ученика, кромѣ корня нѣмецкаго духа, педагогія этой страны получить цѣлое поколѣніе сходныхъ между собою отпрысковъ и вполнѣ достигаетъ цѣли, къ которой стремится — сознательно развить глубоко-національный образъ мыслей, говорить Да-Коста.

«Но позволительно спросить прежде всего, согласен ли этот приемъ съ духомъ справедливости и безпристрастія, который долженъ одушевлять все святое дѣло воспитанія, а затѣмъ — не даетъ ли онъ съ точки зрѣнія строго педагогической результатовъ весьма спорныхъ».

Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ по мнѣнію Да-Коста, замѣчается большое несоотвѣтствіе успѣшности въ младшихъ и старшихъ классахъ. Въ младшихъ классахъ, по его отзыву, все заслуживаетъ похвалы и подражанія. Но по мѣрѣ того, какъ ученикъ подвигается къ старшимъ классамъ, убыль поступательнаго развитія становится поразительной, что объясняется непригодностью примѣняемыхъ методовъ и содержанія курсовъ. Въ старшемъ возрастѣ нельзя ограничиваться однимъ воздѣйствіемъ на память; нужно обратиться къ размышленію, сужденію и критическому чутью; скучно заучивать только одни слова и грамматическія формы; нужна другая пища для души и сердца. «Воспитаніе должно стремиться возвысить ученика до степени человѣка мыслящаго и справедливаго, не можетъ замыкаться въ кругу узкаго націонализма», говоритъ нашъ авторъ.

Дѣлая выводы изъ своихъ замѣтокъ, Да-Коста говоритъ: «Нѣмецкая націоналистическая педагогика фатально осуждена на полную безуспѣшность. Скажу даже больше, результаты, полученные ею, не соотвѣтствуютъ тѣмъ громаднымъ и постояннымъ усиліямъ, которыя употреблялись, чтобы вылѣпить общественное мнѣніе по разѣ утвержденному рисунку и поставить на немъ печать однообразія. Везъ сомнѣнія, цѣлому столѣтію этого искусственнаго воздѣльванія патріотизма, которому помогало и побѣдоносное оружіе, и долгое матеріальное благосостояніе, удалось посѣять въ душѣ народа извѣстныя предубѣжденія, которыя исчезаютъ съ трудомъ, извѣстныя воинственныя привычки, которыя стремятся разлиться во всю ширь, и сверхъ того крайнее тщеславіе. Но въ нѣмецкомъ характерѣ остался еще твердый фундаментъ миролюбія, добродушія и справедливости, который противится строгимъ наставленіямъ патріотическихъ педагоговъ; что же касается образованнаго общества, то часто бываетъ нужно лишь слегка поскоблить покрывающій его налетъ, чтобы подъ легкимъ блестящимъ слоемъ официальнаго воспитанія найти прежній идеализмъ расы. Въ сердцѣ нѣмца еще осталась старая закваска протеста противъ общественнаго насилія; объ этомъ можно судить еще по недавнему взрыву общественнаго негодованія по поводу поступковъ англичанъ въ Южной Африкѣ. Что касается насъ (французовъ), то нѣмцы и сами мало-по-малу мѣняютъ свое мнѣніе о насъ, по мѣрѣ того, какъ они лучше узнаютъ насъ и какъ отъ непосредствен-

ныхъ сношеній съ нашей страной исчезаютъ старые призраки націоналистическаго воспитанія. Такъ падаетъ первое предубѣжденіе, колеблется первый устой «нравственнаго образа мыслей». Остальныя его части нельзя считать ни болѣе крѣпкими, ни болѣе устойчивыми. Безъ сомнѣнія, въ основѣ воспитанія должно быть религіозное чувство; но религія не есть отдѣльное исповѣданіе, и нѣмецкій протестантизмъ не исчерпываетъ одинъ познанія Божества. Безъ сомнѣнія, при воспитаніи надо имѣть въ виду реальныя цѣли; но нѣмецкая жизнь, не есть вся жизнь. Безъ сомнѣнія, сила могла иногда въ исторіи мстить за поправное право, но это — исключеніе. Чаше сила захватываетъ право. Явившись сподвижниками теоріи Гегеля и политики Бисмакра, педагоги-націоналисты успѣли убѣдить современную Германію, что, злоупотребляя силой, она пользуется законнымъ правомъ и въ концѣ концовъ работаетъ на благо гуманности. Но этотъ старый софизмъ, на которомъ покоится вся государственная религія, конечно, современемъ изгладится въ душѣ нѣмца», заканчиваетъ Да-Коста свой очеркъ.

Ботъ въ блѣдной передачѣ очеркъ духа современной нѣмецкой школы. Нѣмецкая школа, какъ и всякая другая, сама продуктъ жизни и живетъ и воодушевляется тѣми же идеалами и стремленіями, какими вдохновляется общество; но на школѣ лежитъ святая обязанность не угашать духа вѣчной истины. Вся современная культура слишкомъ матеріальна, слишкомъ замкнулась въ блага «міра сего», и это фатально отражается на теоріи и практикѣ воспитанія. Нѣмецкая педагогія, въ силу уже одного того, что она педагогія протестантская, въ этомъ направленіи зашла слишкомъ далеко; а ударившись въ крайности націонализма, она, вмѣстѣ со многими другими факторами, и создала ту необыкновенную породу ученыхъ варваровъ, сверхчеловѣковъ, поражающихъ міръ не только одной своей жестокостью, но и какимъ-то презрѣніемъ къ тому, что всѣми признается священнымъ. Нѣмцы — новый Израиль, Богомъ избранный народъ, имъ все позволено — вотъ естественный результатъ узкаго націонализма, съ большимъ упорствомъ и талантомъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія, изъ поколѣнія въ поколѣніе внѣдряемаго въ нѣмецкую націю. Замѣчаніе Да-Коста о несоотвѣтствіи результатовъ націоналистической педагогіи съ тѣми усиліями, какія въ этомъ направленіи дѣлались, едва ли можно признать правильнымъ. Указаніе на неизмѣнно присутствующій нѣмцамъ, и подъ оболочкой націоналистическаго воспитанія, идеализмъ, прорывающійся наружу при всякихъ правонарушеніяхъ и насиліяхъ, теперь, при свѣтѣ событій этой ужасной войны, кажется какимъ-то непонятнымъ заблужденіемъ. Возмущеніе нѣмцевъ пове-

деніемъ англичанъ въ бурской войнѣ объясняется весьма просто тѣмъ, что для нѣмцевъ представился удобный поводъ излить свое раздраженіе противъ исконнаго врага и конкурента. Право и справедливость тутъ не при чемъ. Въ это же время сами нѣмцы въ той же Африкѣ насильничали куда больше англичанъ. Жить въ тискахъ узкаго націонализма и человѣконенавистничества невозможно, и великая европейская война можетъ въ концѣ концовъ нѣсколько отрезвить нѣмцевъ, и тогда они выйдутъ на болѣе широкую дорогу, а можетъ быть, вспомнить и свой былой идеализмъ. И другіе выводы Да-Коста требуютъ значительныхъ поправокъ. Совершенно неправильно его смѣшеніе культивированія грубой силы и требованій, что основа воспитанія зиждется на культѣ воли и характера, и поскольку Да-Коста правъ, относясь отрицательно къ культу грубой силы, постольку же онъ заблуждается, беря подъ сомнѣніе второе положеніе. Такъ же неправильно отношеніе нашего автора и къ вопросу о церковности въ дѣлѣ религіознаго воспитанія. И въ этомъ отношеніи вредны крайности, проповѣдь нетерпимости и изувѣрства; церковность же сама по себѣ является необходимой основой религіознаго воспитанія, и внѣ церкви, по крайней мѣрѣ съ нашей православной точки зрѣнія, само религіозное воспитаніе невозможно, а значить, и вообще человѣческое воспитаніе невозможно. Наконецъ, и самый націонализмъ заслуживаетъ порицанія только въ томъ случаѣ, когда онъ превращается въ тотъ узкій націонализмъ, который такъ пышно цвѣтетъ въ современной германской школѣ. Национализмъ же разумный, какъ и религія, необходимое условіе воспитанія. Еще Карамзинъ сказалъ, что космополитъ — существо метафизическое. Воспитаніе, не коренящееся въ народности, не воспитаніе — это одна изъ истинъ, не требующихъ доказательствъ. Одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашей русской педагогіи и теоретической, и практической какъ разъ и заключается въ противоположной крайности — насколько нѣмецкая педагогія узко-націоналистична и патріотична, настолько же русская мало національна и мала патріотична. И для насъ, можетъ быть, какъ и для нашихъ враговъ, великая война сослужитъ великую службу, пробудитъ наше національное самосознаніе и глубокий патріотизмъ. Первый періодъ войны въ этомъ отношеніи даетъ рядъ яркихъ и весьма отраднхъ явленій. И наша задача въ будущемъ культивировать разумный патріотизмъ, избѣгая ошибокъ всегдашнихъ нашихъ учителей — нѣмцевъ.

Д. Исаковъ.